

Татьяна Котович

День холоден и сумрачен. Темно
Мне в комнате читать. Через окно,
За занавеской цвета паутины,
Я вижу невеселые картины:

Дворовых крыш заржавленный карниз;
Церепнув по нему, сорвался голубь вниз.
И непонятное на сердце сокрушение.
И тусклое бросает отраженье

Ноябрьский снег, что клочьями пристыл
На склонах крыш и воздух остудил.
Читать бы мне! Я напрягаю зренье
Чужую мысль поймать для ободренья.

Строка сливается. Темно. Прочесть нельзя.
И плечут утомленные глаза.

х х х

Нет, только не ложиться спать!
Пересидеть! Пельто — на плечи.
Чай заварить — дневного крепче,
И выпив, заварить опять.

В стол упирая левый локоть,
Вложить в ладонь — как в рифму — лоб.
Перетерпеть ночной озноб,
Пересидеть, постель не трогать.

В худой тетрадке отыскать
Начало трех стихотворений,
Добавить слов без ударений —
И горло чаем полоскать.

Тоска по времени. По дню
Прошедшему. Тоска потери.
О смертная! Уж не верну.
Хоть не засну по крайней мере.

х х х

Вот открывается небесное окно —
И милый человек глядит оттуда.
Его лицо озарено.
И в сердце вымолвилось: чудо.

Мне не оставил милый гость
Ни торжества, ни упования.
Но грустным светом пролилось
В моей судьбе очарование.

Очарование, как тайная свобода,
С тех пор судьбу мою живит.
И замкнутого небосводе
Доныне светел непогожий вид.

х х х

Когда впервые ступишь ты
На путь, под горочку ведущий,—
/Усыпан гравием. Кусты
Черемухи, еще цветущей./ —

Ступать немислимо легко.
Ведут как будто ноги сами.
И переводит дух невысоко
Черемуха, кружась перед глазами.

Подожде гравия остра.
Черемухе дыханье перехватит.
Давай дышать, как завтра и вчера.
Еще и на похмелье хватит.

Ты соизвешь? Я слишком сознаю,
Как мило мне спускаться вдоль аллеи.
И как на спуске я не устаю.
Наоборот — чем круче, тем милее.

И все становится и прежним и не тем.
Но праздничным и праздным без отлички;
И черствость петербургских схем,
И даме витражи на "Большевичке".

Х Х Х

Холодная весна взяла мое здоровье.
Неверная любовь спокойствие взяла.
Повыше взбив больное изголовье,
Я на часы глаза перевела.

Подумала: как много нас, больных,
Сегодня плачем ввечеру,
Зовя к себе родных и неизвестных,
Кто склонен к милосердному добру.

Как много нас в весеннем спит недуге,
В опасном и тревожном полусне.
И молится о матери и друге,
О ласке и живительном питье.

Как много нас сегодня, одиноких,
Промаетея без друга, без вина,
В глазницах наших, темных и глубоких,
Горячею блестит холодная весна.

Х Х Х

Я смутное предчувствую волненье,
Как будто кто скучает обо мне.
Есть детская мечта без исполненья:
Отправиться в скитанье по стране.

Не как турист или отпускник беспечный.
И не на срок — а сразу навсегда —
Ступить на путь мечтаний бесконечный
Сквозь русские поля и города.

Давно была в России эта должность:
Страничество. Нищие на вид,
Шли, презирая страх и осторожность,
Куда глаза глядят, душа велит.

Всю Русь прошли — не много и не мало.
В любовном неустанном их пути
Страна сама себя осознавала.
Огромная, собиралась в их груди.

Ведь кто-то должен жизнью жить несчастной,
Чтоб нам, разбредшимся, быть полною семьей,
Сходясь, как есть, в их думе ежечасной
О всех живущих на земле родной.

Не оттого ли никакое дело
Отрады не дает душе моей.
Другой бы доли я не захотела:
Уйти в страну и раствориться в ней.

х х х

Меняются названия городов,
Озер и рек. Но всюду постоянны
Названия деревьев и цветов,
Обживших среднерусские поляны.

Скитаюсь я. Но что ни новый край —
Они всё те же, жители лесные:
Береза, ель, на кочках иван-чай —
Земли родимой крепостные.

И так же неизменен мой народ.
Не виден издали. Вблизи почти не слышен.
И безысходная печаль меня берёт:
Как он огромен, как он неподвижен!

х х х

Мои друзья, что жили по соседству,
Товарищи по юности и детству,
Теперь живут кто в Автово, кто деля.
Они людьми достойнейшими стали.
Я с ними не поддерживаю связь,
Банальной неуспешности стыжась
Моей судьбы. Так мнительный плебей
Стыдится комнаты запущенной своей;
Так я боюсь, что друг случайно встречный
Вдруг остановит с радостью беспаечной
Меня. И сразу же расспрашивать начнет,
Где я работаю и где взяла расчет.
Придется /с ужасом я думаю о том/
Достоинство спасать враньем или шутковством.
Как хорошо, что все они вдали,
Что сами улицы нам жизни развели.

МУЗА

Как женщина, живущая без мужа,
Она невозмутима и умна.
С годами не стареющая Муза,
В нее я с детства влюбленна.

Ей женская противна многословность,
И суета житейская жёлкость.
Ее в беседе отличает скромность:
Так ровен голос, так нежна рука.

И нехолодным веет отчуждёньем
От гордой и простой ее души.
К ней обращаются с законным уважением,
Как равный к равному, достойные мужи.

Ей не к лицу слепая бабья жадность.
И с каждым днем становится ровней
Ее дыхание. Светлее молодость.
И юности соперничают с ней.

Морозы оттепель сменяют то и дело.
Болезненная дрожь не покидает тела.
Январская Нева
Растаяла и вновь заледенела
И ветер задувает в рукава.

Под мокрым снегонадом набухая,
Спешит к заливу, волны подгоняя,
Идти готова всепять.
То черная, то мертвенно-седая,
То белая, то черная опять.

Как можно жить с такой рекой под боком,
На четырех ветрах?
Простор Невы окидывая оком,
Я замолчу с бессмысленным упреком,
Застывшим на губах.

Вот родина моя, знобящая, в тумане,
Вот город мой, прямой и жесткий в плане,
Невом огражден,
Кто из друзей с волнением не помянет
Всех трех его имен?

х х х

Здесь родилась — и сделаюсь старухой.
Нет, не свих!
У века я в руках, грозящего разрухой,
Сходящего с ума,

Когда гроза над городом грозитя
И входит в дом —
Возлюбленные искажает лице,
И разговор уже не может длиться:
Пугает гром!

Я задыхаюсь в городе родимом.
Скорей, скорей —

Старухой стать, сплестись с извечным дымом,
Уйти скорей путем необходимым
В страну теней.

Наверное, ужаснее признанья
Не слышала Земля.
Совсем не страх! Совсем не страх незнакомья.
Я знаю всё. И даже — скорбь восстанья,
Когда Земля — уж не земля. Зола.

х х х

Заснула в Любани,
Проснулась в Клину.
И сразу же — к раме,
К двойному окну.

С плацкартной постели
Вгляделась во мрак,
Вдыхая сквозь щели
Российский сквозняк —

С дождями, с ветрами,
С дымами — как встарь.
На лаковой раме —
Не пыль. Это — гарь!

И на занавеске
Темнеет кайма.
Московский до Невский —
Родные дома!

Туда — чтоб согреться,
Остынуть — назад.
Как маятник сердца:
Москва — Ленинград.

х х х

НОЧНЫЕ ЧАСЫ

Покровы ночи невесомы,
Непроницаемы для глаз.
Часы безжизненные дрёмы,
Часы любви не напоказ.

Часы, когда наш край не к Солнцу,
А к дальним звездам обращен,—
Земля беспамятно несется
Путем орбит, путем времен.

Уже не солнце перед нами,
А черный космос нам открыт:
Струится между облаками,
Глаза, не занятые снами,
Притягивает, как магнит.

Глядеть в потемки не устану.
Я знаю: близясь к рубежу,
Я не травой — в бездной стану,
В которую сейчас гляжу.